О. Малинова-Тзиафета

Хранители и власти: охрана и реставрация имперской столицы в сталинский период

Книга Стивена Мэддокса «Охрана сталинского имперского города: историческая реставрация в Ленинграде (1930–1950)»¹ о сохранении старого Петербурга во время девятисотдневной блокады Ленинграда и его восстановлении после нее — примечательное явление в современной исторической литературе. История охраны памятников бывшей столицы Российской империи тесно переплетена здесь с социокультурной и политической историей СССР сталинского периода. Имперское наследие — великолепные дворцы и памятники Северной Пальмиры с их символическим значением — было использовано для борьбы с фашизмом, восстановления Ленинграда после блокады, формирования памяти о войне и блокаде. Тема охраны памятников помещена в контекст истории политических кризисов и мировых культурных тенденций. Она важна не только для историков, но и для широкого круга читателей. За последние два десятилетия память о блокаде превратилась в актуальную и неоднозначную тему, которую широко обсуждают в контексте современной политики. Вспомним скандальный опрос телезрителей «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?», едва не стоивший каналу «Дождь» в начале 2014 г. отключения от эфира. Жаркие дискуссии спровоцировала и публикация в британской

Малинова-Тзиафета Ольга
канд. ист. наук, науч.
сотр., Университет
Эрланген-Нюрнберг
(Нюрнберг,
Германия)

газете «Гардиан» — отклик на книгу американского профессора Алексис Пери о блокадных дневниках². Книга еще не вышла в свет, а российский политик В. Милонов уже заявил, что потребует запретить ее в России³.

Работа Мэддокса — неожиданный для российского и западного читателя взгляд на трагические события осады и послевоенного восстановления Ленинграда. Во-первых, тема охраны памятников, ранее относившаяся скорее к искусствоведению, изучается здесь в историческом и социальном контекстах; серьезное внимание уделяется социальным акторам. В книге описываются действия, суждения и даже эмоции представителей центральной и местной ленинградской партийной власти, специалистов в области истории архитектуры и реставраторов, наконец — просто жителей города, принимавших участие в спасении или реставрации памятников архитектуры. Во-вторых, сама история о том, как советские (точнее — сталинские) власти выделяли средства на восстановление красот царского времени, заботились о них и тем самым сохранили старый Петербург и его окрестности для потомков, интересна и в каком-то смысле провокативна. Эта деятельность едва ли может вызвать столь же негативную оценку, как распределение жилья в городе, фактическое провоцирование подпольных абортов или депортация народов. Важно, что в книге преодолевается оппозиция «политика — культура», т. е. они здесь тесно связаны друг с другом. История охраны и восстановления памятников архитектуры рассматривается в контексте активного формирования советского патриотизма в предвоенную пору, а также использования патриотических идей и практик в осажденном городе и позже, уже после войны. Еще в 1930-х гг. советский строй, поначалу отвергавший «пережитки прошлого», обратился к многовековой истории страны. Особое внимание уделялось героическим страницам военной истории, богатому культурному и архитектурному наследию Российской империи. В книге Мэддокса патриотизм предстает как идеологический инструмент и особая вера: он помогал властям поднимать население на защиту страны, города, его культурного наследия, а населению придавал моральные силы в нечеловеческих условиях войны и блокады. Становление патриотической идеологии представлено как ответ на политические события в мире в 1930-е гг., когда новая война становилась неизбежной. Таким образом, относительно узкая тема охраны памятников в Ленинграде предстает в свете более масштабных процессов. Любопытно дальнейшее развитие сюжета: получается, что усилия сталинских властей и ленинградцев по воссозданию города в конечном счете повлияли на развитие подпольной «второй культуры». Независимые и непризнанные официальными

культурой и наукой поэты, писатели, художники, музыканты Ленинграда и Москвы, отстраняясь от советских идеалов и норм, черпали вдохновение в архитектуре старого Петербурга и пригородных дворцовых ансамблей. В эпоху перестройки в этом окружении кристаллизировались политические идеи и силы, оппозиционные советской власти.

Достоинством книги является и то, что Мэддокс отказывается от обличительного пафоса, по-прежнему свойственного многим историческим работам о сталинизме и Советском Союзе в целом. Это не значит, что он оправдывает репрессии или пытается обелить режим. Напротив, исторические экскурсы в историю предвоенных и военных лет подробны и разносторонни. В них есть место и рассказу о репрессиях, и ссылкам на антисоветски настроенных деятелей культуры (р. 48). Автор максимально нейтрально освещает взаимодействие социальных акторов, особенности развития общественных структур и государственных механизмов, позволивших сохранить и реставрировать культурное наследие города в тяжелейших условиях войны, блокады и послевоенной разрухи. Высшее руководство (преимущественно в лице А. Жданова) не предстает здесь в упрощенной роли злодея, от которого не приходится ждать ничего доброго, а выступает в качестве партнера других социальных акторов — местных партийных властей, экспертов в области истории и охраны памятников, рядовых ленинградцев. Действия руководства обусловлены определенными факторами: идеологическими, экономическими, внутри- и/или внешнеполитическими.

Первая глава книги («Старый Петербург, охрана памятников и советское “возвращение к истокам”») посвящена истории интереса к архитектурным памятникам в Петербурге, начиная с дореволюционных времен. Автор показывает, что полноценная охрана памятников в столице Российской империи и их музеефикация стали достижением советской власти. В дореволюционном обществе дело было поставлено скверно: государство не вкладывало средств в реставрацию, отсутствовали рычаги законного воздействия на частных лиц — владельцев дворцов и парков. Вспомним А. Бенуа, описавшего, как усадьба Кушелева-Безбородко под Петербургом из архитектурного чуда быстро превратилась в 1870-е гг. в рабочую окраину с сараями, складами и пр.⁴ От узкой темы охраны памятников автор выходит на более масштабные исторические проблемы, а именно на значение Октябрьской революции для развития советского общества. Еще недавно вопросы дореволюционного общества принято было рассматривать отдельно от советского периода истории. Новые работы о жилье в СССР⁵, борьбе с туберкулезом и венерическими заболеваниями⁶, благоустройстве города⁷, а также становлении картографии в СССР⁸ показывают, что к осуществлению этих крупных и затратных проектов смогла приступить лишь советская власть. Результаты проектов (например, широкое распространение коммунальных квартир) далеко не всегда признавали идеальными не только граждане, но и руководство страны. Однако до революции чаще всего дело просто не двигалось с места. Специалисты обсуждали технические детали — местные власти ссылались на недостаток средств. Мэддокс показал, что и высокая культура тоже не всегда была в чести у царской власти.

При Сталине имперское культурное и архитектурное наследие Российской империи было взято на вооружение советскими идеологами, историческим зданиям стали наконец уделять большое внимание. Важную роль сыграли здесь любители древности, искусствоведы и историки, т. е. эксперты-хранители, отстаивавшие историко-культурные памятники и указывавшие на их большое значение для страны. Тема активности хранителей (так сегодня называют себя участники градоохранительного движения), т. е. инициативы, идущей снизу и достигающей власти, весьма интересна, об этом хотелось бы знать больше. Впрочем, первая глава — это предыстория вопроса, и следующие соображения относятся уже к возможному продолжению и углублению исследования по охране памятников в Ленинграде и СССР в целом. Итак, кто именно (какие лица и организации) помог сохранить город в 1917–1921 гг., когда он фактически опустел, а суровые зимы заставляли жителей разбирать на дрова деревянные здания? Интересно было бы исследовать характер коммуникации между хранителями и властями и его вероятное изменение после того, как краеведческое движение стало опальным. Как в условиях социально-экономического кризиса власти обосновывали необходимость реставрации для широкой публики? Как согласовывались две программы, противостоявшие друг другу: решение жилищного вопроса и охрана памятников архитектуры? Случались ли межведомственные конфликты на этой почве? Изучение этих вопросов внесло бы вклад в дальнейшее изучение «повседневного сталинизма» (Ш. Фитцпатрик⁹).

Во второй главе («Эти памятники нужно защитить!»: Имперский городской ландшафт Ленинграда во время войны») рассказывается о работе защитников города по эвакуации и сохранению исторических памятников. История эта одновременно знакома и незнакома ленинградцам. Автор подробно пишет о наиболее замечательных операциях по спасению памятников. Архитекторы камуфлировали золотые купола и шпили на храмах и Адмиралтействе, закапывали статуи в Летнем саду, обкладывали мешками с песком Медного всадника. Подобные техники защиты применяли во время войны и в Западной Европе. Тем не менее перед ленинградцами стояла особенная задача. Гитлер с уважением относился к памятникам в странах одного с ним «европейского клуба» (р. 55) — Австрии, Чехии, Франции и др. Поскольку СССР не входил в этот круг, отношение к памятникам архитектуры было беспощадным, их разрушали намеренно. Задачей властей, реставраторов, ленинградцев, которых мобилизовали им в помощь, было скрыть монументы от врага. Открыто смотрели со своих постаментов лишь памятники великим полководцам. Во время блокады, несмотря на голод и остановку транспорта зимой, необходимые реставрационные работы продолжались. Они были особенно важны в том случае, когда разрушение фрагмента могло повлечь за собой гибель всего памятника. Если квалифицированные специалисты умирали от голода и болезней, им на смену приходили обычные ленинградские подростки. Кроме того, власти распорядились, чтобы с «материка» в осажденный Ленинград прислали группу наиболее перспективных студентов-реставраторов из 178 человек (р. 64–65). В выводах по главе дана характеристика программы спасения памятников как инструмента патриотизации и мобилизации граждан на борьбу с врагом

и защиту родины. Серьезное внимание уделяется не только значению программы в идеологическом и практическом отношениях, но и мотивации ответственных лиц, их личному отношению к своей деятельности. Война соединила усилия лидеров государства, чиновников и хранителей, которые не могли спокойно наблюдать, как памятники превращаются в мишени. Для охраны памятников выделялись значительные суммы денег, материалы и т. д. Подчеркивается также «гражданская гордость и горячая любовь по отношению к мифологизированному городу, бывшей имперской столице», «ответственность за Ленинград», мотивировавшая архитекторов, скульпторов и других специалистов «рисковать своими жизнями и отдавать энергию историческим монументам, когда бомбы падали на город и питание было на грани нормы выживания». Автор отмечает также, что усилия людей и тяготы их жизни не были напрасными, поскольку «тот факт, что множество специалистов по охране памятников оказались внутри блокадного кольца, дал им возможность привести в жизнь меры, недоступные их коллегам на оккупированных территориях» (р. 66–67).

Третья глава («Проектирование советской власти: историческая реставрация как память в послевоенном Ленинграде») посвящена послевоенному сотрудничеству властей и хранителей в деле восстановления Ленинграда. Мобилизация населения с помощью идеи, что довоенный городской ландшафт можно и необходимо восстановить, была государственным идеологическим проектом — настолько удачным, что он нашел самый искренний отклик у ленинградцев; автор убедительно показывает это на материале дневников и воспоминаний. Недаром ленинградцы, пережившие блокаду, рассказывая внукам в 1980-е гг. о Ленинграде и Петергофе, с гордостью употребляли местоимение «мы»: «Мы все заново построили!» Автор подчеркивает, что обращение к историческому прошлому для мобилизации населения не только не потеряло значения с победой над фашизмом, но и, наоборот, стало доминировать в советском идеологическом аппарате и его отношении к городскому пространству (р. 69).

Любопытно, что в Западной Европе было принято в память о войне оставлять некоторые здания и памятники разрушенными; в Ленинграде же память о войне выражалась в полном восстановлении разрушенных шедевров (р. 76). Это значит, что кропотливые реставрационные работы навсегда стали частью истории, символически связав воедино Российскую империю и СССР; туристам предлагалось восхититься не только красотой ансамблей, но и мощью советского государства, способного восстановить их из пепла. Тем временем в официальном советском дискурсе утверждалась «правильная» память о трагических событиях. Складывался соцреалистический канон описания блокады сродни героическому военному эпосу, со своими законами жанра. Говорить следовало о героизме защитников, единстве советского народа и священной народной войне, подчеркивать руководящую роль партии и правительства. Негативные стороны (каннибализм, воровство продуктовых карточек, мародерство и пр.) замалчивались. Историки отмечали, что для достоверного описания блокады и впоследствии не было найдено подходящего языка. Публицисты, историки и литераторы эпохи перестройки в целом следовали канону, сконструированному ранее¹⁰. В послевоенную пору не приветствовалось и «рас-

пространение пессимистических настроений», т. е. акцент на лишениях мирного населения, поэтому песня «Враги сожгли родную хату» была запрещена к трансляции по радио после войны, и советские граждане слышали ее лишь в 1960 г. Рассказывая о формировании блокадного мифа, авторы книг о блокаде концентрируются на идеологических требованиях партийного руководства к литераторам и историкам, архитектурных решениях по восстановлению города, т. е. формировании памяти сверху¹¹. Разделение воспоминаний на «правильные» и «неправильные» можно также понимать как частичное замалчивание колоссальной социальной травмы. Кампания по восстановлению Ленинграда показывает способ ее коллективного преодоления. В книге эта идея не звучит прямо, однако указывается, что восстановительные работы, в которых принимали участие не только специалисты, но и рядовые ленинградцы (как правило, работая на субботниках — расчищая территорию, убирая мусор и пр.), имели видимый и долговременный эффект. Они манифестировались в газетах как еще одна победа над ужасами войны, символизировали продолжение жизни (р. 96). Возможно, идеологи сочли, что обращение к трагическим сюжетам не способствовало бы созданию позитивной программы дальнейшего развития для общества, привело бы к заикливанию на негативных переживаниях прошлого. Американский антрополог Н. Рис показала, что именно это произошло с публичными дискуссиями о сталинских репрессиях в эпоху перестройки: какой-либо позитивной программы преодоления постсоциалистического кризиса они не дали¹².

В четвертой главе («Когда придет Иван, все будет пусто»: восстановление исторических памятников в пригородах Ленинграда») показано, что было бы с памятниками Ленинграда, если бы в него вошли фашистские войска. Надпись, давшую название главе, оставил на одной из стен разоренного Гатчинского дворца немецкий солдат: «Сюда мы больше не вернемся, а придет Иван — все будет пусто». Действительно, блистательные загородные императорские резиденции были разграблены, ценности — вывезены, не вполне уцелели даже стены дворцов. Петергоф и вовсе был превращен в пепелище. Автор описывает обстоятельства захвата пригородов и причины, по которым не удалось произвести масштабную эвакуацию собраний музеев. Установленные правила не рассчитывались на выполнение под непосредственной угрозой оккупации, и меры были импровизированными. Часть экспонатов работники музеев закопали в землю, укрыли в тайниках. Когда гитлеровцы уже подходили к музеям, их сотрудникам был дан приказ везти в Ленинград то, что они могут взять с собой, и сдать в Исаакиевский собор на хранение (р. 119). Подобно восстановлению старого Петербурга, программа реставрации императорских резиденций в его предместьях символизировала победу над разрушениями войны. Восстановление архитектурных ансамблей требовало колоссальных средств. Однако хранители — работники музеев, архитекторы и другие специалисты — не могли смириться с потерей дворцов и парков, а власти выделяли необходимые суммы и помогали с организацией работ. Это сотрудничество принесло свои плоды и свои разочарования. Хранители мечтали восстановить дворцы в первозданном виде, но степень разрушений была катастрофической,

и власти в условиях послевоенного восстановления не могли пойти на увеличение сметы.

Пятая глава («“Стать ленинградцами”: официальная память о блокаде») посвящена работе по запечатлению блокадной памяти в так называемом ленинградском тексте и городском ландшафте (монументах, памятных досках и пр.), начавшейся еще до окончания войны. Власти и хранители обсуждали создание музея блокады, каменных монументов, текстов о блокаде. Еще раз отметим сильную сторону книги: автор подробно рассматривает взаимодействие между властями, хранителями и обычными ленинградцами, обращая внимание на успехи и неудачи каждого конкретного начинания, анализируя их в контексте общей послевоенной экономической, социальной и психологической ситуации, не забывая о существовании жесткого политического режима. В создании памяти о блокаде снова проявляется тема преодоления мощных моральных травм, нанесенных ленинградцам войной, тяготами жизни в осажденном городе, а после — осознанием многочисленных потерь и утрат. Музей блокады с его экспозицией был создан в первые послевоенные годы не для туристов, а для самих ленинградцев. Мэддокс приводит рассказ поэтессы В. Инбер, как она с мужем, не проронив ни слова, прошла через блокадную экспозицию музея: перед ними снова предстали их страшные блокадные годы. Экспозиция была заведомо травматична для посетителей, однако они приходили, а после делали записи в своих дневниках. Также обращение к образу великого города помогало избежать коварного вопроса: «А нужно ли его реставрировать, если люди вынуждены жить впроголодь?» Автор описывает проект создания мифологизированной памяти блокады как удачную и полезную находку советских идеологических структур. При активном вовлечении в дело городских жителей и конструировании мифологизированной памяти блокады ленинградские власти создали модель для дальнейшего использования, которая мобилизовала людей стать «героическими ленинградцами», т. е. участвовать в дальнейшем воссоздании великого города (р. 169).

В шестой главе («Трудности холодной войны: советский патриотизм, историческая реставрация и конец блокадной памяти») говорится о драматических событиях конца 1940-х гг., когда холодная война в значительной степени обусловила ужесточение политического режима. Последнее повлияло на все сферы жизни города. Было открыто «ленинградское дело»: городские власти обвинялись в неправомерном возвеличивании роли Ленинграда в Великой Отечественной войне. Утверждение патриотической идеологии нуждалось в новом витке антизападной пропаганды, шпиономании и поисков внутреннего идеологического врага. Тогда же вышло печально известное ждановское постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Альянс между работой по созданию памяти о блокаде и восстановлению старого имперского Петербурга распался. Дело охраны памятников стало развиваться в рамках общесоюзного проекта по охране культурного наследия. Память о блокаде на долгие годы стала устойчивым «героическим эпосом», отклонения от которого не приветствовались и творческое использование которого для задач общественной жизни было ограничено.

Книга провоцирует множество вопросов, касающихся развития темы на материале более позднего времени: какова была дальнейшая социальная история охраны памятников; каково было влияние изначального послевоенного блокадного дискурса, в который были вовлечены очень многие ленинградцы, на новых хранителей, заявивших о себе в эпоху перестройки (например, группу «Спасение»)?

Сохранение памятников главного города Российской империи, а вместе с ними и памяти о Российской империи стало важным и чрезвычайно ресурсозатратным проектом сталинской эпохи. Несмотря на то что архитектурные ансамбли и монументы были созданы классовым врагом, им нашли идеологическое применение, сумели изыскать значительные средства и сохранить шедевры для потомков. Эта история выглядит тем более провокативно, что современные российские власти, равно как и частные инвесторы, с трудом соглашаются восстанавливать архитектурные памятники советского периода; упомянем хотя бы о плачевном состоянии кинотеатра «Москва» в Петербурге — памятника сталинского неоклассицизма (1939, арх. Л. М. Хидекель). В сталинский период спасение памятников имело колоссальное воздействие на людей. Ответственность за сохранение шедевров придавала многим людям силы для борьбы и жизни во время блокады. После войны восстановление памятников стало способом преодоления нанесенной войной травмы, символом того, что саму жизнь, надломленную войной, можно восстановить — как сообщая можно было воссоздать заново великую имперскую столицу. И сталинизм, и блокада, и охрана памятников предстают перед (западными) читателями с несколько иной стороны, чем это было принято ранее. Стиль подачи материала с его тактичными и вдумчивыми оценками и учетом всех возможных аргументов, будь он воспринят российскими учеными, политиками, политическими активистами и медиаперсонами, дает надежду на продуктивный общественный диалог.

¹ Maddox S. M. *Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950*. Bloomington: Indiana University Press, 2014. XII, 284 p.

² Peri A. *The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge, MA, 2017.

³ Милонов: Мы потребуем запрета книги британской лжеученой о блокаде Ленинграда. URL: https://life.ru/t/блокадаленинграда/952644/milonov_my_potriebuiem_zaprieta_knighi_britanskoi_lzhieuchionoi_o_blokade_lieninghrada (дата обращения: 01.10.2018).

⁴ Бецца А. Н. Мои воспоминания: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 312–319.

⁵ Harris S. E. *Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life after Stalin*. Washington; Baltimore, 2013.

⁶ Bernstein F. L. *The Dictatorship of Sex: Lifestyle Advice for the Soviet Masses*. DeKalb, 2007.

⁷ См. также: Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу. СПб., 2013. С. 64–156; Bérard E. *Pétersbourg Impérial*. Nicolas II. La ville. Les arts, 1984–1914. Paris; Berlin, 2013. P. 139–179.

⁸ Jeske M. *Ein Imperium wird vermessen: Kartographie, Wissenschaftstransfer und Raumerschliessung im Zarenreich (1797–1919)* (Dissertationsprojekt, Uni Basel). Basel, 2017. URL: <https://dg.philhist.unibas.ch/nc/departement/personen/personen-details/eigene-seiten/person/jeske/content/dissertationsprojekt-38> (дата обращения: 01.10.2018).

⁹ Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, 2000.

¹⁰ См. об этом: *Воронина Т.*: 1) О старом по-старому: блокада Ленинграда в литературе эпохи перемен // НЛЮ. 2016. № 137. С. 206–231; 2) Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М., 2018; *Janzenmüller J.* Das belagerte Leningrad 1941–1944: die Stadt in den Strategien von Angreifen und Verteidigen. Freiburg im Breisgau, 2005. S. 315–363.

¹¹ См. об этом: *Janzenmüller J.* Das belagerte Leningrad 1941–1944... S. 315–342; *Kirschenbaum L. A.* 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. Cambridge, MA, 2006. P. 77–150.

¹² *Рус Н.* Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 288–290.

Статья поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Рекомендована в печать 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Малинова-Тзиафета О. Хранители и власти: охрана и реставрация имперской столицы в сталинский период // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 526–535. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.214>

Аннотация: В статье анализируется книга С. М. Мэддокса «Охрана сталинского имперского города: историческая реставрация в Ленинграде, 1930–1950». С 1930-х гг. архитектурное наследие бывшей столицы Российской империи стало активно использоваться в идеологических, мобилизационных целях — для борьбы с фашизмом, восстановления города после блокады, формирования памяти о Великой Отечественной войне и блокаде. Внимание уделяется социальным акторам: представителям центральной и местной ленинградской партийной власти, специалистам в области истории архитектуры и реставраторам (т. е. экспертам — хранителям города), а также простым горожанам, принимавшим участие в спасении или реставрации памятников архитектуры. Тема охраны памятников, ранее относившаяся скорее к искусствоведению, изучается в книге в историческом и социальном контекстах. Относительно узкая тема предстает в свете более масштабных процессов: подготовки к неизбежной войне, становления советского патриотизма и использования его в качестве идеологического инструмента. Дело охраны памятников как таковое впервые было поставлено лишь в сталинское время. До революции государство не вкладывало средств в реставрацию, отсутствовала законодательная база, которая обязывала бы к этому владельцев. В книге обсуждаются также: работа защитников города по эвакуации и сохранению исторических памятников во время войны; послевоенное сотрудничество властей и хранителей по восстановлению Ленинграда; мобилизация населения с помощью идеи максимально полного восстановления довоенного городского ландшафта; возможная судьба памятников Ленинграда в случае захвата города фашистскими войсками; становление официальной памяти о блокаде, запечатленной в городском ландшафте (монументах, памятных досках и пр.) и так называемом ленинградском тексте; наконец, распад альянса между работой по созданию памяти о блокаде и восстановлению старого имперского Петербурга в результате ужесточения политического курса в конце 1940-х гг. и во время начала холодной войны.

Ключевые слова: охрана памятников, реставрация, архитектурное наследие, блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, восстановление.

Сведения об авторе: *Малинова-Тзиафета О.* — канд. ист. наук, науч. сотр., университет Эрланген-Нюрнберг (Нюрнберг, Германия); o_malin@mail.ru

Университет Эрланген-Нюрнберг, Германия, 91054, Эрланген, Schlossplatz, 4

FOR CITATION

Malinova-Tziafeta O. “Guardians” and Authorities: Protection and Restoration of the Imperial Capital during the Stalin Period’, *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 526–535. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.214>

Abstract: The article analyzes the book *Saving Stalin's Imperial City: preservation Restoration in Leningrad, 1930–1950* by S. M. Maddox. The — Bloomington: Indiana University Press, 2014. — XII, 284 p. Since the 1930s the architectural heritage of the former capital of the Russian Empire was actively used for ideological and mobilization purposes: — to fight fascism, to rebuild the city after the blockade, and to create the memory of the Great Patriotic War and the Blockade. The case of preserving monuments as such was first delivered only in Stalin's time. Before the Revolution, the state did not invest in restoration, and there was no legal framework obliging owners to do so. The work of city defenders on the evacuation and preservation of historical monuments during the war is also discussed; post-war cooperation of authorities and "guardians" in the restoration of Leningrad; mobilization of the population by using the idea of complete restoration of the pre-war urban landscape; the possible fate of the monuments of Leningrad in the case of the capture of the city by the fascist troops; the establishment of official memory of the Blockade, captured in the urban landscape (monuments, memorial plaques, etc.) and the so-called "Leningrad text"; and finally, the disintegration of the alliance between creating a memory of the Blockade and the restoration of old imperial Petersburg as a result of tightening political course in the late 1940s and the start of the cold war.

Keywords: monument protection, restauration, architectural heritage, St. Petersburg Leningrad, Russian Empire, USSR, blockade of Leningrad, Great Patriotic War, reconstruction.

Author: *Malinova-Tziafeta O.* — PhD, Research fellow, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg (Germany), o_malin@mail.ru

Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg (Germany), 4, Schlossplatz, Erlangen, 91054, Germany

References:

- Benua A. N. *Moi vospominaniia*, in 2 vols. (Moscow, 1993).
- Bérard E. *Pétersbourg Impérial. Nicolas II. La ville. Les arts, 1984–1914* (Paris — Berlin, 2013).
- Bernstein F. L. *The Dictatorship of Sex: Lifestyle Advice for the Soviet Masses* (DeKalb, 2007).
- Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (Oxford, 2000).
- Ganzenmüller J. *Das belagerte Leningrad 1941–1944: die Stadt in den Strategien von Angreifen und Verteidigen* (Freiburg im Breisgau, 2005).
- Harris S. E. *Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life after Stalin* (Washington — Baltimore, 2013).
- Jeske M. *Ein Imperium wird vermessen: Kartographie, Wissenschaftstransfer und Raumerschliessung im Zarenreich (1797–1919)* [PhD Dissertationsprojekt] (Basel, 2017).
- Kirschenbaum L. A. *1941–1995: Myth, Memories, and Monuments* (Cambridge, 2006).
- Maddox S. M. *Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950* (Bloomington, 2014).
- Malinova-Tziafeta O. *Iz goroda na dachu* (St. Petersburg, 2013).
- Peri A. *The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad* (Cambridge — London, 2017).
- Ries N. *Russkie razgovory: kul'tura i rechevaia povsednevnost' epokhi perestroiki* (Moscow, 2005).
- Voronina T. 'O starom po-staromu: blokada Leningrada v literature epokhi peremen', *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 137, 2016.
- Voronina T. *Pomnit' po-nashemu: socrealisticheskii istorizm i blokada Leningrada* (Moscow, 2018).

Received: October 23, 2018

Accepted: February 18, 2019